

<Яков Абрамович Сатуновский>

Не помню, когда Яков Абрамович появился в нашем доме впервые, но не помню и такого времени, когда я его не знала. В тот момент, когда я его осознала, я его уже знала. Он входил быстро, был подтянут, под пиджаком всегда одет свитер, так как приезжал на холодной электричке. Приезжал он из подмосковного городка Электросталь. Изыски российской топонимики: гибрид Электры и мадам Сталь. Некоторые основания для такого скрещения есть – обе обожали своего отца, не любили мать и были насильно выданы замуж за нелюбимого и неравного человека.

В нашей квартире на Воробьевке часто и подолгу гостили немосковские люди. Но, Яков Абрамович, просидев часа два у папы в кабинете, торопился уходить. На Мосфильмовской жил его младший брат – оператор, Петр Абрамович Сатуновский или Петя, как звали его у нас в доме. Появлялись они и вместе, ни разу не помню, чтобы Яков Абрамович приезжал с женой. Из глухих родительских разговоров уловила, «как могут вместе жить два таких разных в культурном отношении человека?» Но так как разговоры эти не относились ко мне, то не могу с уверенностью сказать, что говорили о Якове Абрамовиче. Папа его называл Сатуна.

Мой папа и Сатуновские были из Екатеринослава (Днепропетровска). Папа провел в Екатеринославе детство, кроме трех первых лет в Орле, там его отец и мать, оба врачи, работали в военном госпитале. Шла первая мировая война. После Октябрьской революции семья вернулась в Екатеринослав. Наверное, и название города и то, что жили они на Екатерининском проспекте, навеяло папе назвать меня Екатериной, другого объяснения у меня нет. Екатерина всегда казалось мне слишком витиеватым и монаршественным именем, и, уехав в Америку, я сменила его на простое, доступное народу, Катя.

Из друзей детства папы я знала Марка Губергрица и Юру Кофмана. <...>

Из этих времен помню фотографию, где я ее видела, не знаю, в нашем доме ее не было. Веселая молодежная вечеринка вокруг стола с бутылками вина, вид заговорщицкий и счастливый. Марк Губергриц, Доня, Лева Цехнович, мой папа и может быть еще какой-то молодой человек. <...>

Ходили к Шуру Черникову, которого папа и дядя Лева называли Черника. Жил Шура Черников один в комнате, которая выглядела, как будто в ней жили его родители. Смутно помню, что в первые годы там была его мать, полная в черном платье. Но потом там никого, кроме него, не было, и все равно комната выглядела так же. <...>

Интерес взрослых к Шуру Черникову был мне не понятен. Был он тихий, мало подвижный и потухший. Глаза спрятаны и темные волосы приглажены. <...>

Яков Абрамович Сатуновский цитирует школьные стихи Шуры Черникова, но стихов он, видимо, больше не писал, или не читал вслух. <...> Ко времени папиного

возвращения в Днепропетровск, 34–35 годам, времени молодежных дружб и пирушек, наверное, относится знакомство папы с Яшей Сатуновским ¹.

Стихов его в компании не знали, кажется он стал писать после 25-лет, а было им всем тогда двадцать. Папа удивлялся что он так серьезно пишет. Их послевоенная и до конца папиной жизни дружба была связана со стихами. <...>

В середине 50-ых появился «самиздат» и Окуджава, а потом и другие барды и менестрели. На дворе стояла хрущовская «оттепель». Самиздат, в основном стихи: «Воронежские тетради» Мандельштама, Ходасевич, Ахматова, мама перепечатывала под копирку, несколько экземпляров. Наши экземпляры переплетались в красивые ситцевые обложки и ставились на верхнюю полку к другим стихам. Приезды Якова Абрамовича Сатуновского были связаны с получением полагавшегося ему экземпляра и ознакомлением с другими соблазнами культуры.

В 1963 году я была в четвертом классе Художественной школы. Папа и мама любили показывать мои работы знакомым. Показали они и Якову Абрамовичу, и он пригласил меня поехать с ним в Лианозово в мастерскую Оскара Рабина. <...>

Барак Рабина воспет в его картинах неоднократно, поэтому нет нужды его описывать. Рабин был очень приветлив и мил, показывал работы охотно, ожидая привычной восторженной реакции. Похоже было на рисунки в журнале «Крокодил», выполненные в технике живописи. Неполомки и недостатки были вскрыты, цвета были всегда почти одни и те же, уныло-грязные, похоже на Лианозово было очень, да и не только на Лианозово. <...>

Потом жена Рабина, Кропивницкая, маленькая женщина, тоже показала свои работы. Видно такой у них был порядок. Как-будто смотришь в телескоп на большую планету и замечаешь маленький спутник в его орбите. Работы были монохромные, возможно это были рисунки большого размера. Все листы были одинаковые, на всех были изображены антропоморфные звери. На всех работах по паре. Как бы иллюстрация к первой строчке сказки: «В лесу жили-были две зверушки», и на этом сказка кончалась.

Потом пили водку и поэты читали стихи. <...> Поэты были Сапгир, толстый и красивый парниша, Кира (не знаю, была ли она тогда уже или еще женой Сапгир), Холин, суховатый худой человек и Яков Абрамович, которого в компании называли Ян. У него была другая личность среди поэтов, офранцузенного, в берете, с усиками – поэтического мэтра.

Рабин: бараки, сарай, казармы
Два цвета времени:
Серый
И желто-фонарный.
Воздух
Железным занавесом
Бьет по глазам; по мозгам.
Спутница жизни – селедка.
Зараза – примус.

¹ Знакомы они были гораздо раньше, еще в детстве, может, не так близко, как впоследствии. Они жили практически рядом, на противоположных сторонах Екатерининского проспекта. – Л. Сатуновский.

Рабин: распивочно и на вынос.

Рабин: Лондон – Москва.

Обратно шли по разъезженной с бороздами снега и льда дороге всей приехавшей компанией. <...>